

Об источниках XVII в.
для изучения синтаксиса
устной и разговорной речи

Категории «устная речь» и «разговорная речь» тесно связаны, но не адекватны¹. Устная речь противопоставляется письменной в качестве способа речи (фоническая—графическая). Разговорная «речь» противопоставляется книжной как функционально-стилистическая разновидность, т. е. лучше говорить не о «речи», а о разговорном стиле.

В письменной речи четкая организация высказывания восполняет те интонационные и ситуативные возможности, которыми располагает устная речь. Ожидать прямого отражения устной речи в письменной можно или в случае ее намеренного воспроизведения (что не характерно для древнерусской письменности), или в случае плохого владения письменной речью и невольного фиксирования устной фразы без ее изменения.

Иначе обстоит дело с отражением синтаксических особенностей разговорного стиля. Нормированные построения этого стиля не противоречат в основном письменной речи и могут быть использованы и действительно используются в коммуникативных и изобразительных целях. Выявление таких построений, их отграничение от книжных могло бы пролить свет на многие вопросы исторического синтаксиса и истории литературного языка. Роль разговорного синтаксиса в становлении литературного языка остается пока невыясненной.

---

¹ См., напр.: В. Г. К о с т о м а р о в. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный», «Проблемы современной филологии». М., 1965.

Опознавание черт разговорного или устного синтаксического построения в памятниках письменности основывается главным образом на знании современной нам устной речи, знании современного разговорного стиля, особенностей их фиксации в письменной речи. Полезным является в этом плане и последовательное сопоставление произведений разных жанров с учетом общих и специфических для каждого из них явлений.

Подобное изучение русских памятников XVII в. позволяет высказать некоторые суждения о пределах и характере отражения в них определенных черт разговорного стиля, а также и устной речи. Но прежде чем говорить об этом считаем необходимым обратиться к вопросам общего характера.

В последние годы изучение разговорной речи (не всегда с разграничением категорий устной речи и разговорного стиля) привлекает значительное внимание². Монография Н. Ю. Шведовой³ хорошо показывает, что разговорная речь обладает собственным набором синтаксических построений, типизированных и регулярно воспроизводимых, выражающих целый ряд объективно- и субъективно-модальных значений. В имеющихся работах⁴ перечисляются такие, например, черты разговорного синтаксиса: неполнота высказывания, слабая синтаксическая организация фразы, преобладание сочинения и присоединения, интонационная и грамматическая расчлененность построений, повторение предлогов, усложненные предложения, прямая речь, вставные конструкции, начинательные союзы, повторы.

Для понимания особенностей устной речи как способа коммуникации большой интерес представляют исследования синтаксиса диалектов⁵. В этих исследованиях отме-

² См.: О. А. Лаптева. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет. — ВЯ, 1967, № 1.

³ Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

⁴ См.: А. А. Никольский. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Автореф. канд. дисс. Л., 1966; О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ, 1966, № 2; И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, и др.

⁵ См.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953; В. И. Собинникова. Строение

чены распространение бессоюзных связей, инверсии, несогласованность частей фразы, т. е. в общем те же явления, которые обнаруживаются и в разговорной речи. Вместе с тем диалектологи отмечают особые наборы служебных слов, вводных слов, некоторые специфические формулы предложений и другие элементы, определенно отличающие разговорный стиль от диалекта. Ясно, что устная речь, независимо от того, литературная она или диалектная, имеет определенные общие черты. Разговорный же стиль и диалектная речь сильно различаются.

Кроме работ, характеризующих черты устной и разговорной речи, есть исследования, оценивающие степень отражения разговорного стиля в художественных текстах. В свете последних данных, полученных в результате изучения устной речи, значительно обесцениваются попытки характеризовать разговорный стиль по диалогам персонажей художественных произведений⁶. Очевидно, что авторы последних не фотографируют разговорный стиль в его реальной устной форме, они лишь создают иллюзию разговора. Поэтому художественная литература дает прежде всего материал для изучения возможностей использования разговорных конструкций, для оценки мастерства писателя, обратившегося к средствам разговорной речи, для определения путей вхождения разговорных элементов в литературный язык и т. п.⁷ Изучение современной разговорной речи должно строиться на исследовании непосредственно этой речи в ее звучащей, устной форме. Только такое изучение может дать эталон для опознавания черт разговорной речи в письменности.

Иначе обстоит дело с изучением устной речи и разговорного стиля минувших эпох. Для их изучения

сложного предложения в народных говорах. Воронеж, 1958; О н а ж е. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961; Л. М. Л о с е в а. Сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными в курских говорах. «Вопросы синтаксиса». Черновцы, 1961.

⁶ О. А. Л а п т е в а. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет.

⁷ См., напр.: Г. Г. И н ф а н т о в а. Роль изучения языка художественной литературы в решении проблемы кодификации наиболее типичных некодифицированных синтаксических построений современной русской разговорной речи. «Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов», ч. 1. Л., 1968.

нет никаких других источников, кроме письменных памятников, и нет пока других методов, кроме опознавания их отражений ретроспективным путем.

Так, например, когда А. А. Никольский установил, что повторение предлогов не несет в разговорной речи никакой усилительно-выделительной функции, он очень убедительно показал, что и в древнерусских памятниках письменности повторение предлогов было отражением разговорной речи⁸. Роль памятников письменности для изучения живой древнерусской речи нельзя преуменьшать⁹. Необходимо дать ей более конкретное определение.

В результате разысканий у нас сложилось убеждение, что каждый текст XVII в. представляет собой амальгаму языковых особенностей разной стилистической отнесенности, и общий лингвистический облик текста определяется набором и пропорциями этих особенностей. Другими словами, текстов, которые бы полностью состояли из элементов разговорного стиля (не говорим уже об устной речи), не существует. Есть тексты, в которых разговорных черт меньше, и тексты, в которых таких черт больше.

Не обнаруживается отражений разговорного стиля или устной речи в житиях святых и других текстах церковного характера. Русизмы, которые широко входят в такие тексты в XVII в., имеют обыкновенно книжный характер, проникают сюда из письменной речи.

Черты разговорного стиля и устной речи можно найти в частных письмах, деловой письменности, разговорниках, фольклорных и литературно-художественных произведениях. Эти черты сосуществуют здесь с чертами книжной речи (частные письма, деловая письменность, литературно-художественные произведения) и чертами образной, выразительной речи (частные письма, фольклорные и литературно-художественные произведения). Выходит, черты разговорного синтаксиса следует искать в произведениях светского содержания, там же, где представлена лексика, фонетика и морфология разговорной речи.

---

⁸ См.: А. А. Никольский. Указ. соч., стр. 9.

⁹ См. об этом: С. И. Котков. О развитии лингвистического источниковедения. — ВЯ, 1968, № 2, стр. 143.

Ценными источниками для исследования разговорного стиля и устной речи являются частные письма¹⁰. Следует, однако, дифференцировать их в зависимости от назначения и личности авторов. Среди известных нам писем XVII в. можно выделить по крайней мере три основные разновидности: 1) письма в книжно-риторической манере, преследующие не только коммуникативные цели, но и претендующие на выражение осведомленности в канонических текстах и литературного мастерства пишущего; 2) просьбы нижестоящих, зависимых лиц к вышестоящим, написанные в жанре челобитных; 3) письма к родным и близким, имеющие целью только простую коммуникацию.

Письма первого рода образуют, например, переписку деятелей церковного раскола и их единомышленников. Авторы писем — боярыня Морозова, боярыня Леонтьева, иноки, дьяконы, попы, старицы. Письма сохранились в архиве сената и коллегий, большей частью, как указывает издатель, в автографах. В письмах перемежаются черты книжно-церковной и разговорной речи, встречаются сложные синтаксические конструкции, снабженные украшающими обращениями, приложениями, однородными членами:

Ведаеть Христос, создатель мой, хочетьца с ним быть, да как он, свет подаст помощи, да надеюся, грешница, на святых атец и ваши праведныя молитвы; молю, милостивой мой, со слезами и прошу твоего благословения и молитвы, батюшка христолюбивой мой (38)¹¹.

Текст писем связан начинательными союзами по типу текстов деловых документов. Фразы разговорного характера редки. Письма этого типа не дают сколько-нибудь значительного материала для суждения о разговорном стиле и устной речи¹².

---

¹⁰ См.: С. И. Котков. Русская частная переписка XVII—XVIII вв. как лингвистический источник. — ВЯ, 1963, № 6; «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968, стр. 9.

¹¹ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1911 год», вып. 24. СПб., 1912. — В скобках здесь и далее указываются страницы изданий.

¹² Такого же типа письма самозванца Тимошки Анкудинова («Дополнения к актам историческим», т. III. СПб., 1848); письма патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу («Письма русских государей и других особ царского семейства», т. I. М., 1848); посла-

Другой характер носит переписка семьи Хованских¹³. Она сохранилась в столбцах Приказного стола Разряда. Все письма, как указывает издатель, подлинные, много собственноручных. Письма зависимых от Хованских лиц не выходят за рамки челобитных. Письма родственников несколько отличаются от челобитных, но и они находятся под сильным влиянием формул деловой письменности. Их зачины и концовки в основном совпадают с формулами челобитных: Государю моему батюшку князю Ивану Андреевичю сынишко твой Петрунька благословения твоего прошу и много челом бью. Подай тебе, государю моему, господь бог многолетное здравие на веки. . . . По сем у тебя, государя, благословение прошу и много челом бью (296). Фразы писем связаны союзным напизыванием по типу деловых документов. Только в составе предложений, излагающих, так сказать, существо дела, находим отражение разговорного стиля и устной речи. Отметим прежде всего свободную синтаксическую организованность фразы, повторы: как бы нибудь вырваться нынеча зимою или весною, как бы нибудь с Дону (310); да господя ради обо мне промышляй, обо мне, чтобы меня взяли с Дону (312); толь(ко) батюшко на Москве ему безпрестанно бей челом, чтоб о перемене, Артамоцу Сергеевичу, чтоб меня взяли (312). Отражения разговорной речи могут быть обнаружены в особенностях связи слов, в употреблении отдельных форм слов, что объединяет эти тексты с деловыми бумагами (см. ниже).

Третью группу писем составляют, к сожалению очень редкие, интимные послания, выражающие чувства и настроения авторов, не старавшихся облечь свои переживания в формулы общепринятой эпистолярной речи. Таковы, например, письма княгини Урусовой, сестры боярыни Морозовой, оторванной заточением от горячо любимых детей.

Письма Урусовой сохранились в копиях, подлинных писем — три¹⁴. Они написаны в стиле фольклорных плачей (ох, светы мои, утробныя и возлюбленныя, вместо

ние патриарха Иоакима царям Иоанну и Петру Алексеевичам («Дополнения к актам историческим», т. X. СПб., 1867) и др.

¹³ «Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников». — «Старина и новизна», кн. X. М., 1905.

¹⁴ См.: «Старина и новизна», кн. XX. М., 1916.

вам радости и веселие воспойте, светы моя, песни надгробныя и плачевныя. . .), но однообразные горестные причитания княгини перемежаются с фразами разговорными, нередко сохраняющими черты устной речи: Светы мои любезныя, послала вам по лесенке, имена ваши подписаны на лесенках; светы мои, молитесь по ним, не ленитесь (33); Да еще, светы мои, молю: утеште меня, пишите ко мне почаще а всем и что у вас делоеца, и про брата, света, отпишите ко мне, что он делоец и что говорит он про меня, и как он живет — хорошо ли (31); Ох, светы мои, не ленитесь писать ко мне; будет и то время, любезная мои, что и станете том плакать, что не часто писали ко мне — и ради бы написали, да не будет х кому писать (31).

Большой интерес в качестве свидетельства о разговорном стиле XVII в. имеют любовные записочки подьячего Арефы Малевинского. Как и предыдущие письма, они стали достоянием истории благодаря приобщению к судному делу «об отказе Малевинского жениться на сестре челобитчика согласно сговорной записи». Часть писем была опубликована в 1921 г.¹⁵, полностью и с соблюдением научной транскрипции текста письма изданы в 1962 г.¹⁶.

Автор нанизывает фразу за фразой без особой логической последовательности, так, как возникали мысли в его голове. Не видно стремления связать текст в сложное синтаксическое целое: Боюсь я дяди, жид на меня, а как ни есть приду, ты жьди. А приди по конец огорода своего, я залягу в Родивонов хмельник, ты тут приди, да бережно, я про себя тебе роскажу, как надо мною было (366).

Формулы предложений в письмах Арефы типичны для разговорной речи. Это определенно-личные, безличные, простые двусоставные предложения. Используются разговорные падежные формы, например, родительный времени: а повидайся со мною одна сего вечера (368); я сего вечера буду к тебе и бес писма (369).

В настоящее время лингвист располагает коллекциями писем в публикациях, подготовленных Институтом рус-

---

¹⁵ «Billets doux» подьячего приказной избы гор. Тотмы Арефы Малевинского к сестре тотемского дьякона девке Аннице, писанные в 1686 году». — «Начала», № 1. Пг., 1921.

¹⁶ Н. П. П а н к р а т о в а. Любовные письма подьячего Арефы Малевинского. — ТОДРЛ, 1962, XVIII.

ского языка АН СССР ¹⁷. В этих изданиях можно найти разные типы писем, иллюстрирующие вышесказанное. При дальнейшем углублении классификации писем их роль в изучении разговорного стиля XVII в. несомненно возрастет.

Тщательной предварительной оценки требует для изучения разговорного стиля и деловая письменность. Известно, что фонетическая и морфологическая эволюция в истории русского языка прослеживалась в значительной степени по текстам делового содержания, так как они, наряду с письмами, наиболее близки к разговорному стилю ¹⁸. Однако деловая письменность, тем более в XVII в., когда она уже достигла значительного развития, включает разные виды документов, насчитывает значительное количество жанров ¹⁹. Степень отражения разговорного стиля и устной речи в разных жанрах деловой письменности неодинакова. Строго регламентированные указы, отписки разного содержания, челобитные изобилуют устойчивыми формулами зачинов и концовок, просьб и распоряжений. Эти формулы закреплены за деловым стилем и являются типичными книжными чертами, хотя генетически восходят к русским, а не к славянским прототипам. Вообще представление о том, что книжные черты выражались преимущественно славянизмами, неточно. Книжные черты формировались и из русских архаизмов, из стандартных формул, стереотипов канцелярского, эпистолярного и поэтического характера. Некоторые челобитные, отписки сравнительно небольшого объема нередко составлялись только из формул от начала до конца и особенностей разговорного синтаксиса не отражали.

Лишь тексты большого объема, в которых давалось освещение повседневных фактов и ситуаций, отражали

¹⁷ С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова)». Изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965; «Московская деловая и бытовая письменность XVII века.» Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

¹⁸ См. об этом: С. И. Котков. К вопросу об истории московского говора и ее источниках. «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», стр. 5.

¹⁹ См., напр.: В. А. Скорова. К вопросу о жанрах деловых документов конца XVII века. «Уч. зап. Липецкого гос. пед. ин-та», вып. IV. Воронеж, 1965.

разговорную речь. К таким материалам относятся, например, расспросные речи, статейные списки, описи земельных угодий и некоторые другие. Начинаясь и завершаясь стандартными формулами, подобные источники в основной части содержат значительные по объему фрагменты, излагающие различные житейские события, нередко путем более или менее искусного воспроизведения устной речи. В отдельных частях расспросных речей писец просто повторяет слова расспрашиваемого; составители статейных списков передают разговоры, реплики, сообщают свои наблюдения и т. д. В текстах такого типа найдем именительный темы, повторы, разобщенность отдельных высказываний и др.²⁰ Приведем некоторые примеры из статейного списка пребывания в Туркестане, в Хиве и в Бухаре казаков Федора Скибина и Матвея Трошина²¹. Издатели этих материалов сообщают, что рукописи переписаны с подлинных столбцов, которые имеют много разночтений. «В тех случаях, когда встречалось затруднение отыскать правильное чтение, мы держались буквально рукописи»²². Это заявление позволяет предполагать, что фонетическая и, может быть, морфологическая сторона издания отклоняется от подлинника, но вряд ли поправки касались синтаксиса.

Находим в рассмотренных текстах безличные и инфинитивные предложения: Приехал в тот улус мурза Килдейко, а отколь — того неведомо (378); и у Нор Ишиму реки знать было преж сего каменное строение две полаты (376).

Отмечаем присоединение частей предложения: А управы де ему на них дать невозможно для того: живут в далном расстоянии (383); Донской казак Иван Яковлев по прозванию Усок объявил нам образ Николая чудотворца; дска штилистовая росколота на трое, и лице ножом изрезано, и подпись сколупана, и оклад снят (384). Отмечается характерная для разговорной речи временная разноплановость частей сложного предложения: А майя в 30 день я Матюшка, подозвав с собою в товарищи Васку Кюбякова, в ночи, из Тургустану бежали в Бухарею

---

²⁰ См. подробнее: З. Д. П о п о в а. К истории грамматического выражения отношений в связном тексте. «Южнорусские говоры и памятники письменности». Воронеж, 1964.

²¹ См.: «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. X. СПб., 1867.

²² Там же, стр. VII.

осматцать дней (382); Татары привезли в Казачью Орду в город Тургустан тобольского сына боярского Дмитрея Суздальцова связана, и вода по торгу, продают (382).

В текст вводится прямая речь: И учили нас окликать и спрашивать, что за люди? (377). Чаще прямая речь сопровождается частицами косвенной речи и косвенными формами личных местоимений: И они нам против говорили: ныне вы не в Руси, узнаете де того, чего и во сне не видели (378); и Тевкихан говорил: турской де салтан или кызылбашской шах чем ево Тевкихана выше? таковы ж что и он (379).

Высокая степень обработанности делового стиля ограничивала проникновение в него синтаксических структур разговорного стиля.

Значительные сведения о разговорном стиле и отчасти устной речи дают записи пословиц и поговорок. Конечно, основная функция пословиц и поговорок не столько коммуникативная, сколько экспрессивная, эстетическая. Поэтому в них большое место занимают образные и выразительные средства языка, не типичные для разговорного стиля — стиля простой коммуникации. Художественная форма пословиц и поговорок, традиционно воспроизводимых, способствует сохранению в них разнообразных архаизмов, в том числе и синтаксических. Поэтому сведения, полученные из сборника пословиц и поговорок, не могут быть отнесены ко времени его составления. Нужны дополнительные разыскания для хронологического приурочения языковых черт пословиц ко времени их существования в разговорной речи.

Сборником, который вслед за издателем принято относить к XVII в., является сборник «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту», опубликованный П. Симоном²³.

Записи пословиц и поговорок позволяют составить представление о разнообразии формул простого и сложного предложения, бытовавших в разговорной речи. Мы уже имели возможность характеризовать простые и сложные предложения, заключенные в этом материале²⁴.

²³ «Сб. ОРЯС», т. LXVI, № 7. СПб., 1899.

²⁴ См.: З. Д. П о п о в а. Односоставные предложения в пословицах и поговорках XVII в. «Материалы по русско-славянскому языкознанию», II. Воронеж, 1966; З. Д. П о п о в а. Изучение сложных предложений в парадигматических рядах (на материале

Пословицы и поговорки содержат также формы слов, характерные для разговорного стиля. Например, в них широко представлена редкая в других текстах форма *о+* предл. пад. в разных значениях: *Азовъ не ѿ сте глазѡв* (74); *Конь о четырех ногах и тот потыкается* (115); *Мороз на дворъ ѿ вчерашнѣи порѣ* (124); *О куме не жить а без кума не быть* (129); *Доброе молчание о чомъ не отвѣтъ* (338); *С вѣрою лѣчинка о чомъ не свѣча* (140).

Отметим еще форму *про+вин.* падеж, обозначающую лицо, для которого выполняется действие: *Мы про людеи вечеренку сѣдим а люді про нас і во всю ноч не спят* (122); *Починаетца бочка про доброва гостя* (134).

Отражают устную речь пословицы, построенные с именительным или винительным темы: *Ахъ смерть злодѣя хто можетъ убѣжати тя* (75); *Буданъ две денги данъ* (84); *Вешняя пара поѣдчи да з двора* (85); *Алчнова Еремку вяжи ево в веревку* (75).

Выделяем далее пословицы с аффективным порядком слов, предполагающим специфическую интонацию устной речи: *Базар любитъ Назаръ* (83); *Воръ чево не крадетъ* (89); *Лихъ не добръ свои не беи ево при мнѣ* (118); *Липовы клѣтки наклам росказаль* (119).

Часто в формулах пословиц отсутствует согласование: *Бег не красен да здорово* (329 об.); *Всякая погудка за хлебом добро* (331 об.); *Волга плыть долго, а Дунай широко* (332 об.); *Грех сладко, а человек падко* (335); *Еловой пень не отродчиво, а смердей си не покорчиво* (341).

Группа пословиц имитирует обращение, выступающее, однако, в функции подлежащего: *Жена пряди рубашки, а муж вей гуж* (343 об.); *Живи колотило за рекою, а к нам ни ногою* (344); *Иван не болван, не всяк на нем оправливай шапки* (348 об.); *Молод гложи кости, а стар еж кашу* (357).

Некоторые пословицы имитируют диалоги: *Вопрос: что де бос, ответ: сопогов нет* (331 об.); *Зачем стало, а и приданово мало* (345 об.); *О чом слеп плачот, что рук не видит* (361 об.).

Но все эти несомненные отражения устной речи и разговорного стиля находятся в пословицах в одном ряду с афоризмами книжного происхождения: *Аще бы не бог, кто бы нам помог* (323); *Бг свое содевает* (326 об.); *Гедь*

гордым противится, смиренным же дает благодать (335); Его же любит бог, того и наказует (340 об.) и т. п.

Пословицы книжного характера опознаются и по лексике, и по фонетическим чертам, и по грамматической оформленности. Искать отражения устной речи или разговорного стиля в таких пословицах, конечно, не следует. Предварительная дифференциация пословиц — необходимое условие для выявления в них разговорных черт.

Какие сведения о синтаксисе разговорного стиля можно почерпнуть из разговорников XVII в.? Обратимся к разговорнику, опубликованному в 1962 г. в Дании Соренсеном. Этот разговорник был составлен для немцев, изучавших русский язык, датируется временем между 1635 и 1648 гг.²⁵ Рукопись разговорника находится в Королевской библиотеке в Копенгагене. Основное содержание рукописи составляют три диалога: за столом, на торгу и при взимании долга. Диалоги составлены то как смена реплик, то как чередование вопросов и ответов. Их построение несомненно отражает реальные отношения в разговорном стиле. Вместе с тем в составе диалогов находим хорошо отработанные фразы, формулы речевого этикета: приветствия, формулы вежливости, прощания. Вопросы служат для выяснения самых необходимых бытовых сведений.

Бгъ даи тобѣ доброй днь (15); Бгу слава (15); Прости я пошел (17); Пойди, бгъ с тобою (17); Куды топер идешь? (16); Которой часъ? (16); По чему продаешь локоть этого сукна? (41); За что у васъ ходятъ сии деньги? (46).

Вместе с тем в разговорник включены приветствия, украшенные книжными элементами: Тебѣ тако же твоему смиренію гсдрь Гарманъ даи бгъ доброй днь (15); Рад пришествію твоему мѣлый бѣтющко с твоими товарищи гсдрь мѣи бѣтющко с твоими други (19); То сударь мое дитя, хорошее дитя — добръ молодець (19); Даи бгъ, чтобъ ево всегда прибыло в добрыхъ дѣлехъ (20); Спаси бгъ тебѣ, мѣлы дядя (20).

Встречаем и отдельные книжные изречения, используемые в известных ситуациях: Не подобает намъ стол жестоку бытъ, подобаетъ намъ терпѣти у ближнихъ нашихъ по бжю вѣлѣнію (50).

²⁵ «Ein Russisches handschriftliches Gesprächbuch. Aus dem 17. Jahrhundert. Mit Kommentar von Hans Christian Sørensen». København, 1962.

Наличие таких фраз показывает, что в разговорный стиль XVII в. входили элементы книжного происхождения, употреблявшиеся в некоторых ситуациях.

Формулы предложений, содержащихся в разговорнике, вполне обычны для разговорного стиля. Это определеннолические предложения, особенно с формой повелительного наклонения: Поиди принеси торѣлки (18); безличные, инфинитивные: Поити мнѣ! (30); Не умѣть мнѣ доле мѣшкать (17); Воинѣ бы не долго быть (38); номинативные с частицами: Вото хлѣб (19); неполные предложения в диалогах: Куда топер идешъ? Домой (16); Где скатерть? Тамъ лежѣтъ на полицѣ (18). Все предложения оформлены в соответствии с нормами письменной речи; свободной организации, повторов, присоединений, свойственных устной речи, не отражают.

Черты разговорного стиля можно найти и в особенностях построения словосочетаний, частей предложения, в использовании отдельных форм слов. Например, в разговорнике широко представлено употребление родительного падежа в значении объекта, подвергающегося воздействию в некоторой части или степени: принеси хлѣба (18); дай мнѣ денегъ (18); налей воды в рукомой (19); урѣжь мнѣ мяса (24); посмотри пирогов (25); налей вина (25); урѣжь того плеча (25—26); принеси рѣтки, пастернаку (26); положи. . . этой птицы (26); дай мнѣ своего ножичка по подержане (31).

Находим разговорное обозначение времени суток формой *близко*+род. падеж: Что вы такъ спешите? Блиско десятого часу (39).

Таким образом, разговорник дает много сведений о разговорном стиле XVII в., однако они характеризуют этот стиль только с одной стороны — как вежливую литературную обработанную речь.

Наконец, скажем несколько слов о литературно-художественных произведениях. Принципиальная широта языкового диапазона, с давних пор присущая нашей литературе, использование всех возможных средств — от славянизмов до просторечий (конечно, в меру возможностей и умения автора) — предполагает и отражение черт разговорного стиля и устной речи. Вопрос состоит в том, в произведениях какого характера и в какой степени могут отразиться эти черты.

Если, например, фонетические и морфологические особенности разговорного стиля и диалектной речи хорошо представлены в фольклорных записях, то синтаксис устной речи отражается в них ограниченно, поскольку они подвергались длительной обработке, устранявшей проявления неорганизованной речи. Синтаксические построения, характерные для устной и разговорной речи, скорее найдем в авторских произведениях, не прошедших длительной обработки. Это должны быть произведения, создатели которых не ориентируются на книжнославянские образцы, рассказывают о делах мирских, повседневных.

Уже много писалось о разговорных и диалектных элементах в Житии протопопа Аввакума, которое ярко выделяется своими художественными достоинствами среди литературных сочинений XVII в.²⁶ Особенности разговорного стиля и просторечия он пользуется в качестве художественных средств.

Итак, отражение синтаксических особенностей устной речи в памятниках письменности следует искать прежде всего там, где можно предполагать ситуацию записи устной речи (пословицы, фрагменты расспросных речей и статейных списков, письма, иной раз составляемые под диктовку).

Отражение синтаксических черт разговорного стиля можно искать в довольно широком кругу текстов. Это будут специфические формулы предложений, характерные словосочетания, отдельные формы слов. Их можно найти в текстах, посвященных бытовым и деловым вопросам, событиям светской, мирской жизни. К таким текстам относятся многие письма, записи делового содержания, некоторые литературно-художественные произведения. Значительные сведения о формулах речевого этикета можно извлечь из разговорников.

---

²⁶ См., напр.: В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума». «Русская речь». Пг., 1923; О н ж е. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958; В. И. Б ор к о в с к и й. О некоторых типах простого предложения в сочинениях Аввакума. «Историко-филологические исследования». М., 1967, и мн. др.